

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1932–1933 ГОДОВ

© 2021

Назаренко Н.Н.¹, Башкин А.В.²

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(г. Челябинск, Российская Федерация)

²Проект «Исторические материалы» (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема оценки естественного движения населения в период голода 1932–1933 года на Нижней Волге. Несмотря на то, что эта проблема рассмотрена в достаточно большом количестве научных работ, показатели и оценки в различных публикациях и даже у одних и тех же авторов различаются, а методика расчетов не всегда корректна. По нашим оценкам, рождаемость на Нижней Волге в пик голода 1933 года составила 76223, а смертность 184570 человек. При этом в архивах центральных статистических органов нет данных по Калмыкии, а для 15,2 тыс. смертей не установлено, были ли они где-либо учтены. Прямые потери от голода 1932–1933 годов в Нижне-Волжском крае без учета в 1933 году Калмыцкой АО составляют максимум 175 тыс. человек, а потери от падения рождаемости 1932–1934 годов – 147 тыс. человек. Смертность в 1933 году на Нижней Волге имеет четкую географическую приуроченность. Регионы с высокой смертностью были в Саратовском крае на Приволжской возвышенности и примыкающем к ней восточном пограничье Окско-Донской равнины и на северо-востоке в пограничье Среднего Сырта. Приуроченность районов с высокой смертностью к р. Волге связана с расположением на ней и вблизи нее большинства городов с самыми высокими показателями смертности. В Сталинградском крае смертность была значительно ниже и отличалась плавным и низким ростом, низким пиком, смещенным на июль. Динамика смертности Нижней Волги похожа на идущую с севера на юг эпидемию, когда на юге успели принять необходимые меры по ликвидации, в отличие от северных регионов, где она оказалась внезапной. Установлены районы, характеризовавшиеся в период голода как катастрофически низкой рождаемостью и смертностью, так и высокой рождаемостью, низкой смертностью и положительным естественным приростом населения. Распределение регионов с высокой смертностью определяется в первую очередь спецификой действий местных властей и местных условий, в том числе природных (возвышенности), что требует дополнительных исследований.

Ключевые слова: голод 1932–1933 годов; рождаемость; смертность; естественное движение населения; динамика демографических показателей; демографические потери; Нижне-Волжский край; Саратовский край; Сталинградский край; АССР Немцев Поволжья.

REGIONAL FEATURES OF BIRTH RATE AND MORTALITY IN THE LOWER VOLGA REGION IN THE FAMINE OF 1932–1933S

© 2021

Nazarenko N.N.¹, Bashkin A.V.²

¹South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation)

²Project «Historical Materials» (Moscow, Russian Federation)

Abstract. The paper is exploring the problem of the vital rate data in the Lower Volga region during the famine of 1932–1933. Despite the ample quantity of papers presenting this problem the estimations and indicators differ even in the papers of the same authors and valuation methods are not always reliable. The birth rate of the Lower Volga region was 76223 while the mortality was 184570 during the 1933 famine peak by our estimate. However, there are no vital rate data on the Kalmykia in the central statistical administration archives and the registration of 15,2 thousand deaths were not ascertained identically. The real losses from the famine of 1932–1933 in the Lower Volga region (excluding Kalmykia) are estimated at 175 thousand maximum and birth rate losses are 147 thousand in 1932–1934. The mortality of the Lower Volga region had clear geographical distribution and location. The high mortality regions were allocated on the Volga Upland and abutting the Oka-Don plain eastern frontier and on the Medium Syrt frontier in Saratov Krai. The allocation of high mortality regions to the Volga River is interpreted as associating with regions containing major cities and towns with high mortality neighborhoods to the Volga. Stalingrad Krai is defined as a region with lower mortality and gradual slow in its increase with a low peak displaced to July 1933. In 1933 the Lower Volga mortality dynamics was from north to south epidemic; whereas in the south there was time to assume the measures as opposed to northern regions. Some Lower Volga regions in 1933 were characterized by a catastrophic low birth rate and high mortality and at the same time by high birth rate and low mortality and positive vital rate data. The distribution of high mortality regions was determined by the character of local authorities activities and local conditions including geographical description (orthometric height), that requires background study.

Keywords: famine of 1932–1933; birth rate; mortality; vital rate population data; vital rate dynamics; demographic losses; Lower Volga; Saratov Krai; Stalingrad Krai; ASSR of Volga Germans.

Памяти подполковника
Маркова Алексея Геннадьевича (11.02.1973–24.10.2020),
друга, товарища, создателя, идеолога
и руководителя проекта «Исторические материалы»,
трагически погибшего под г. Луганск.

В современной российской историографии Поволжье рассматривается как эпицентр и один из наиболее пострадавших от голода 1932–1933 гг. регионов. Отрицательный естественный прирост населения на Нижней Волге (Саратовский и Сталинградский края и АССР Немцев Поволжья) отмечен в исследованиях с начала 1990-х годов [1, с. 42, 47]. Архивные данные тогда же опубликованы Е.А. Осокиной. Естественная убыль городского населения на 1000 чел. населения (в скобках с поправкой советскими статистиками на недоучет) составила –54,3 (–54,5), сельского – –103 (–108,6), а по Нижне-Волжскому краю – –157,3 (–163,1) [2, с. 19, табл. 1, с. 20, табл. 2]. Регион указывается как наиболее пострадавшей из-за убыли городского (4%) [2, с. 20] и сельского (3,6%) населения и отнесен к внесшим основной вклад в убыль населения Европейской части РСФСР [2, с. 21].

На голод в Поволжье в 1932–1933 годах указывает Н.А. Ивницкий [3; 4]. Ссылаясь на С. Уиткрофта, для Нижней Волги приведено превышение смертности над рождаемостью в 1932 году в 1,9 раз и в 2,4 раза – в 1933 году [4, с. 228, 252]. Со ссылкой на В.В. Кондрашина дается оценка числа умерших от голода в Поволжье 200–300 тыс. и около 1 млн демографических потерь [4, с. 228].

В.Б. Жиромская указывает Саратовскую область и АССР Немцев Поволжья (НП) как регионы с наибольшей смертностью [5, с. 95; 6, с. 651]. Для Саратовского края приводится отрицательный естественный прирост –45%, смертность городского (сельского) населения 64 (70) ‰, соответственно, и 3‰ отрицательный естественный прирост городского населения в 1934 году, для Сталинградского края отрицательный естественный прирост – –18,4‰ и городская (сельская) смертность 64 (38) ‰, а для АССР НП отрицательный естественный прирост – –74,5‰ [5, с. 96–97; 6, с. 653]. Демографические потери оцениваются балансовым методом по величине убыли населения между переписями 1926 и 1937 годов и составляют для Саратовской области –23% (–40,5% в сельской местности), для Сталинградской – –18,4% в сельской местности (численность населения области выросла на 2,8%) и в АССР НП – –14,4% и –26% в сельской местности [5, с. 99; 6, с. 652].

С.А. Нефедов рассчитывает прямые потери от голода по величине превышения числа умерших в 1933 году над средним числом умерших в 1930–1931 годы. Основываясь на мнении В.В. Кондрашина о точности официальных данных и на таблицах Р. Дэвиса и С. Уиткрофта, «излишняя» смертность для Поволжья оценивается в 231 тыс. человек (2% населения) [7, с. 47]. Автором не обсуждается, почему в расчеты не включен 1932 год и выбор «нормальной» средней смертности 1930–1931 годов. При этом «ненадежный» 1931 год включен в «норму», но не учитывается период 1927–1930 гг., когда, по мнению самого С.А. Нефедова, существовала достаточно надежная регистрация движения населения [7, с. 46] и смертность оставалась примерно на одном уровне [7, с. 58].

Р. Дэвис и С. Уиткрофт [8] для сел Нижне-Волжского края указывают превышение смертности в 9 раз [8, с. 417] от «нормального уровня» как средней смертности за 1927–1929 гг. [9, сноска f]. Поэтому величина «сверхсмертности» для Нижней Волги в 1932 г. нулевая, а в 1933 г. – 150000 человек [8, с. 422, табл.]. В одной из последних работ С. Уит-

крофт рассматривает Нижнюю Волгу в составе «Центрального производящего региона» [10, с. 749]. Для Поволжья отмечается смертность на уровне 60 человек на 1000 чел. населения, а для Нижне-Волжского региона – наиболее резкое падение рождаемости (наименьшая величина отмечена через год после пика смертности), узкий пик смертности сельского населения (140 на 1000 чел. населения) и более широкий – городского (85 на 1000 чел. населения) [10, с. 752]. Положение в Нижне-Волжском регионе и АССР НП им называется самым сложным [10, с. 768].

Американо-украинская группа демографов и историков предлагает оценивать прямые потери от голода как разницу между числом смертей в голодные годы и гипотетическим числом смертей, если бы в эти годы голода не было [11, р. 4]. Для Нижней Волги смертность от голода (в скобках – на 1000 чел. населения) следующая: «Саратовская область» – в 1933 году 257,5 тыс. человек (118,6) всего, 33,2 (64,6) и 224,3 (135,3) в городской и сельской местности, соответственно, а для 1932–1934 годов, соответственно, 286,5 (132), 39,3 (76,5) и 247,2 (149,1); АССР НП – в 1933 году 102 (180), 75 (88,8) и 94,5 (196,1), а в 1932–1934 гг. – 117,6 (207,5), 8,8 (103,9) и 108,8 (225,8), соответственно [11, р. 5, табл.]. Эти два «субрегиона» авторами выделены «для более точной оценки потерь от голода» [11, р. 3] и отнесены к наиболее пострадавшим в РСФСР регионам [11, р. 4]. Оставшаяся территория названа «Нижне-Волжский край» (Lower Volga kraj) и характеризуется смертностью от голода 57,3 чел. на 1000 чел. населения [11, р. 7, рис.].

Полученные результаты вызывают вопросы. Во-первых, в статье не объясняется, почему для РСФСР рассчитывают прямые потери (смертность) от голода в 1934 году. Во-вторых, административно-территориальное устройство для оценки является определяющим, поскольку при его изменении авторами рассчитывались некие «матрицы коэффициентов перехода» (matrices of transition coefficients) [11, р. 4] для приведения динамических рядов в соответствии с административно-территориальным устройством. Упомянуты расчеты для 1926, 1932, 1937 и 1939 годов [11, р. 4]. Но выделяемая «Саратовская область» официально образована в декабре 1936 г., до этого вместе с АССР НП образуя Саратовский край, до января 1934 года – входила в Нижне-Волжский край, а до 1928 года – отдельно как Саратовская губерния, часть которой в состав Нижне-Волжского края при укрупнении не вошла. И если проблемы с точностью приведения рождаемости и смертности могли возникнуть только в связи с реформой 1928 года, то проблемы приведения в один ряд миграционных показателей возникают при каждой реорганизации до декабря 1936 года. Например, любой переезд из «Саратовской области» в «Lower Volga kraj» или обратно в 1928–1934 гг. – в системе учета миграция внутреннего, не влияющая на численность населения, а ранее или позднее – за пределы и влияющая. Авторами этот вопрос не обсуждается. Выделяемый авторами «Lower Volga kraj» с 1934 года назывался Сталинградский край (с декабря 1936 года Сталинградская область и Калмыцкая АССР разделены). Но, возможно, для украинских демографов упоминание И.В. Сталина в любом контексте является табу.

В-третьих, при корректировке статистики естественного движения в связи с неполной регистраци-

ей авторы ссылаются на работу Е.М. Андреева с соавторами [11, р. 4]. Но корректность оценок этих авторов вызывает вопросы. Так, С. Уиткрофт указывает на их ангажированность, поскольку выполнялись они с целью обоснования пропагандистских выводов о голоде 1932–1933 гг. Р. Конквеста [10, с. 770, сноска 32]. Данные советских статистиков по Европейской части СССР С. Уиткрофт полагает не требующими корректировок [10, с. 766]. В.В. Кондрашин, сравнив архивные данные по первичному учету движения населения в Поволжье с данными в центральных архивах, пришел к выводу об их соответствии [12, с. 102]. Он же указывает, что данные советских статистиков за годы голода в РСФСР, УССР и БССР убедительны [13, с. 291]. Также украинскими авторами вообще не обсуждается точность миграционной статистики, видимо, она по умолчанию считается точной. Для расчета «нормальной» смертности авторы используют линейную экстраполяцию возрастных коэффициентов смертности за период между 1931 и 1935 гг. [11, р. 4], но не обосновывают выбор и корректность использование линейной модели для РСФСР.

Вопросы вызывают полученные величины смертности от голода. Авторы суммируют общее число «избыточно» умерших, подсчитанных ими за 1932–1934 гг. и делят его на некую «среднегодовую» численность населения за 1933 год [11, р. 5, примечание к таблице]. В демографии же, как правило, число умерших за год относится к численности населения этого же года. Здесь же величина за три года относится к годовой и, судя по всему, наименьшей, в результате смертность искусственно завышается. Также, например, рассчитанная смертность от голода в 1933 году в АССР НП превышает общее число официально умерших за год **в два раза** [14, л. 21; 15, л. 71]. Такой «недоучет» и «смертность», при 100% охвате зарегистрированного населения республики, согласно порайонным отчетным данным [15, л. 94], указывает, скорее, на неадекватность модели и расчетов, чем на реальный масштаб голода.

В.А. Чолахян рассматривает особенности демографического перехода в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е гг. [16]. Показатели естественного движения приводятся со ссылкой на подсчеты В.Б. Жиромской, фактически совпадающие с данными Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) [14, л. 21], а также на данные Е.А. Осокиной (у В.А. Чолахян они больше, чем в работе Е.А. Осокиной).

Исследования на примере Калмыкии выполнены Е.Н. Бадмаевой [17; 18]. Работа представляет собой высокую значимость, поскольку по Калмыцкой автономной области в 1933 году ЦУНХУ не только не приводит данных по улусам, но отсутствуют даже сводные данные по движению населения за этот год, в том числе и оценочные, на что и указывает автор [17, с. 56]. В целом для Калмыкии число умерших от голода оценивается как 14,4 тыс. человек [17, с. 56], к сожалению, автор методики оценки потерь не указывает. Для Нижне-Волжского края даются прямые потери от голода по оценкам С. Адамец, А. Блюм и С. Захарова – 466 тыс. человек, которые даже выше рассмотренных нами оценок украинских демографов [17, с. 56]. Указывается, что голод в Калмыкии был результатом недостаточных поставок продовольствия, а не чрезмерных хлебозаготовок [18, с. 105].

Ситуация в АССР НП рассмотрена А.А. Германом [19]. Как «норма» им берется средняя смерт-

ность за 1925–1928 гг., а рамки потерь расширяются до 1929–1933 гг. в связи с ростом смертности в республике с 1929 г. и, судя по всему, привязываются к массовой коллективизации [19, с. 221]. «Нормальная» смертность 1925–1928 гг., судя по числам, умножается на число лет 1929–1933 гг. и вычитается из фактического числа умерших в 1929–1933 гг., с «избыточной» смертностью 55,7 тыс. человек, из которой на 1932–1933 гг. указано 45,3 тысяч умерших от голода. Логика такой датировки и оценки не вполне понятна, поскольку приводятся факты коллективизации конца 1931 и 1932 годов [19, с. 216–220], а по данным автора, смертность 1931 года в республике была ниже, чем в 1929–1930 гг. [19, с. 221]. Также 1927 год включен в «благополучные», хотя для него смертность выше, чем в 1928 году [14, л. 15; 19, с. 221].

Автором приводится помесечная динамика умерших в АССР НП, согласно которой пик смертности приходится на май 1933 года и составляет 9305 человек [19, с. 221, табл. 1], а общее число умерших совпадает с данными ЦУНХУ [14, л. 21]. Для динамики за 1929–1932 года [19, с. 224] рождаемость и смертность совпадают с данными ЦУНХУ [14, л. 15–20], но за 1933 г. данные ЦУНХУ выше [14, л. 21].

Наиболее детально вопрос голода 1932–1933 годов в Поволжье был рассмотрен В.В. Кондрашиным.

Проведены исследования первичного учета смертности населения в поволжских архивах [20]. По книгам записи актов рождения и смертей 2 областных и 31 районных архивов по 582 сельсоветам установлено, что в 1933 году смертность в 40 районах Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев выросла в 3,4 раза, в том числе от желудочно-кишечных (2,5 раз) и инфекционных заболеваний [20, с. 176]. Выявлено, что из 61861 акта о смерти, голод в качестве причины указан в 3043 актах в 22 из 40 обследованных районов, такое небольшое число объясняется политической конъюнктурой, когда работники загсов не вписывали голод как диагноз [20, с. 177]. Отмечено падение рождаемости в 1933 году в 3,3 раза в 20 районах Саратовской области, рост в 1933 году смертности сельского населения на Правобережье Волги по сравнению с соседними годами в 4,5 раз, на Левобережье – в 2,6 раз и в АССР НП – в 4,1 раз, рождаемость, соответственно, упала в 4, 3,8 и 7,2 раза [20, с. 177]. В последующих публикациях охват больший, но с разночтениями: 4 областных и 65 районных архива [12, с. 103; 13, с. 278; 21, с. 183] и загсы 895 сельских советов, в том числе в 43 районах Нижне-Волжского края [21, с. 183], либо 62 сельских района бывшего Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев и 895 сельских советов и населенных пунктов [12, с. 102]. В.В. Кондрашин указывает, что районы выбраны по принципу равномерного охвата всей исследуемой территории [12, с. 102] или равномерно распределены по всей территории, что позволило воссоздать общую картину демографической ситуации [21, с. 183], а изучение архивов проводилось выборочное [12, с. 102], методика выборки не обсуждается. По этим данным в Нижне-Волжском крае превышение смертности 1933 года по сравнению с соседними годами более чем в 3 раза и такое же падение рождаемости [12, с. 102; 21, с. 184]. Число записей с указанием голода как причины смерти – 3296 случаев на 241 сельсовет, количество районов с та-

кими актами и общее число актов смерти не указывается [12, с. 103; 13, с. 278; 21, с. 184].

В связи с этим необходимо отметить следующее. Анализ первичной документации не сопоставлен с конкретными районами или сельскими советами, информация приведена общая и с разночтениями по охвату. Не приводится анализ выявленных диагнозов как в сопоставлении с общим числом актовых записей или по сельским советам (районам), так и в сравнении между диагнозами. Приводятся только примеры по отдельным сельским советам или населенным пунктам, которые не дают обобщенную сравнительную оценку. Представлено только общее число записей умерших от голода и общий список «прямых указаний на смерть от голода или вызванных им заболеваний» [21, с. 515–517], часть из которых вообще может не иметь отношение к голоду (например, оспа, малярия, дифтерия или грипп). Количественный анализ этих диагнозов не представлен. Наконец, равномерный охват и равномерное распределение не дает представительную (репрезентативную) выборку и может служить источником искаженных данных, особенно в случае отмеченного В.В. Кондрашиным очагового характера голода. Возможно, именно проблемой выборки объясняется как небольшое число актовых записей от голода, так и то, что при увеличении числа охваченных районов число актов с указанием голода увеличилось незначительно. Поскольку часть (значительная при очаговом голоде) территорий, пострадавших от голода, при равномерном охвате могли не попасть в выборку в представительном количестве, а в избыточном количестве оказались районы, пострадавшие слабее, где таких диагнозов было в разы меньше. Наконец, в демографии относительные показатели, как правило, оценивают на численность населения территории. Фактически столь огромная работа не дает данных (или дает искаженные данные) о характере рождаемости и смертности в обследованном регионе.

В.В. Кондрашиным приводится помесечная динамика числа умерших в сельской местности Нижне-Волжского края в 1932–1933 гг. [12, с. 105; 13, с. 282; 22, с. 15; 23, с. 276; 24, с. 214]. Пик смертности указан как весна – начало лета. Чтобы показать сходство интенсивности голода на Нижней Волге и на Украине, снова проводится сравнение 1933 г. с предыдущим 1932 годом. Сравнение выполнено без учета численности населения и региональной специфики. СССР занимает три климатические зоны с различной структурой сельского хозяйства по областям, а Нижне-Волжский край – степной ведущий зернопроизводящий регион (кроме южных полупустынных регионов). В СССР наивысшая смертность была в лесостепных, не ведущих зернопроизводящих регионах. Так, села Киевской области характеризовались смертностью 100,3 на 1000 чел. населения [25, л. 10], что сопоставляется только со смертностью в кантонах АССР НП [15, л. 94]. Т.е. сравниваются регионы, разные по климатическим характеристикам, сельскохозяйственному производству и региональными отличиями в смертности.

В.В. Кондрашин приводит несколько вариантов оценки потерь от голода, отличающихся разными расчетами. На основе данных архивов загсов Поволжья и Южного Урала и отчетов ЦУНХУ общие демографические потери от голода 1932–1933 годов в

этих регионах оцениваются около 1 млн человек [21, с. 190; 26, с. 131; 27, с. 99], а прямые (смертность) – 200–300 тыс. человек [21, с. 190; 27, с. 99]. Методика расчета потерь в указанных работах не приводится. Судя по аналогичным выводам в другой публикации [12, с. 109] подсчет выполнялся балансовым методом на основе падения рождаемости и роста смертности, а также сальдо миграции в сравнении с численностью населения на начало критического периода и на его конец [12, с. 108, табл. 4]. Для сел Нижне-Волжского края величина демографических потерь на основе официальных данных – 350404 человек и «не подтвержденная официальной статистикой» убыль населения 691195 человек. Далее полагается, что как минимум половину «не подтвержденной официальной статистикой» убыли население можно рассматривать как жертвы голода [12, с. 108]. Эти оценки не окончательные, поскольку нет достоверных данных о стихийной миграции сельского населения в 1933–1934 годы [12, с. 109].

К методике возникают вопросы. Во-первых, к периодизации – начальная численность населения взята на 01.01.1933, а конечная – на 01.01.1935, почему исключен 1932 год и включен 1934 год, непонятно. Во-вторых, к величинам численности населения – В.В. Кондрашин приводит для Нижне-Волжского края на 1933 год 4118,5 тыс. человек, а на 1935 г. – 3076,9 тыс. человек, между тем в данных ЦУНХУ есть и другие цифры – 4415,8 и 4570,7 тыс. человек, соответственно [28, л. 30]. И получается, не убыль 1041,6, а прирост 154,9 тыс. человек, соответственно, «не подтвержденная официальной статистикой» убыль населения отсутствует. В-третьих, учитывается уход сельского населения в города в границах края, но не обсуждается влияние на демографические потери миграции за пределы края. Для Нижне-Волжского и Средне-Волжского края в общих оценках эти показатели суммируются, но не обсуждается возможность двойного учета или неполного учета при миграции из одного края в другой (приводятся две значительно отличающиеся величины миграции). Перед расчетами демографических потерь выполнена оценка возможного недоучета числа умерших, как за счет недостаточного охвата населения загсами, так и не фиксации части смертей в период голода [12, с. 107]. Но в таблице не указано, где она в общем балансе. Наконец, в цитируемом источнике в таблице для убыли единица измерения «чел.», а число приведено с десятичной величиной (с точностью 0,5) – возможно, имеет место техническая ошибка.

Другая балансовая оценка демографических потерь выполнена для всего Поволжья за период 1932–1933 гг. и составляет 462004 человек, из которых от голода – свыше 330 тыс. человек [29, с. 254]. К этому расчету также возникают вопросы периодизации (почему 1932 г. включен, а 1934 г. – исключен), как рассчитывалась «сверхсмертность» на охваченных и неохваченных учетом территориях, почему в балансе есть «недобор рождений», но нет оценки числа родившихся на неохваченных учетом территориях. Не обсуждается вопрос учета миграций – указано только что он как-то используется при оценке «недобора рождений». Также не указано, какой уровень рождаемости и смертности используется в качестве «нормального», кроме упоминания, что если за исходный уровень будет взят 1928 год, то потери могут «не принципиально» измениться [29, с. 254].

Второй вариант потерь исходит из анализа разницы между численностью сельского населения по данным переписей 1926 и 1937 годов. В.В. Кондрашин предлагает оценки В.Б. Жиромской, в том числе и по Нижней Волге: Саратовская область убыль на 40,5%, Сталинградская – 18,4%, АССР НП – 26% [21, с. 247], а также свои оценки как оставшуюся долю сельского населения по переписи 1937 г. по отношению к переписи 1926 г. [13, с. 283; 22, с. 16; 23, с. 277; 24, с. 212; 29, с. 251]. Методика таких подсчетов базируется на подходах Е.М. Андреева с соавторами [1], ангажированность которых обсуждалась выше. Также АССР НП характеризуется сравнительно невысоким падением численности сельского населения между переписями, не сильно отличающимся от Сталинградской области. Но для этой республики в сельской местности была самая высокая смертность (107 на 1000 чел. населения [15, л. 94]) по сравнению со Сталинградским краем (38,4 на 1000 чел. населения) [15, л. 96], а также крайне активная миграция в период голода [19]. Это несоответствие вызывает вопросы корректности оценок.

География голода в Поволжском регионе в разных работах В.В. Кондрашина также неоднозначна. Так, эпицентром голода указывается Правобережье Волги современной Саратовской области (27 районов) и левобережные районы, бывшие 10 кантонов АССР НП – 30% территории [20, с. 177; 21, с. 186]. В другой работе указывается, что в Нижне-Волжском крае эпицентром голода были 20 районов, преимущественно северной части края [22, с. 11; 23, с. 268]. Еще в одной работе эпицентр голода связан с районами Нижне-Волжского края, попавшими в зону действия комиссии ЦК ВКП(б) П.П. Постышева [13, с. 169]. Картографический анализ на основе итоговых отчетов районных архивов ЗАГС приводится только в одной из этих работ [12, с. 104]. Указано, что наиболее поражены голодом были районы традиционного ржаного и пшеничного производства, примыкавшие к р. Волге и связанные с основными шоссейными и железными дорогами краевого и союзного значения [12, с. 104; 29, с. 250]. Сама картограмма снова построена на основе показателя превышения числа умерших в 1933 году по сравнению с 1932 годом. Необходимо отметить, что более корректным является картографирование на основе показателя смертности, предложенное С. Уиткрофтом с соавторами [30; 31]. Также выводы В.В. Кондрашина не сопоставляются с картограммой – районы с самыми высокими величинами удалены от Волги, а часть районов с невысоким превышением лежит на дорогах, показанных на карте [12, с. 104].

Таким образом, проблема естественного движения населения в период голода 1932–1933 года на Нижней Волге рассмотрена в большом количестве научных публикаций для крупных административно-территориальных единиц. Но рождаемость, смертность и оценки потерь в различных публикациях даже одних и тех же авторов резко отличаются. С. Уиткрофт по этому поводу пишет, что оценка чрезмерного роста смертности зависит от того, что считать нормой [10, с. 747], но вопросы вызывает сама методика расчетов, которая выглядит не всегда корректной, а иногда создается впечатление, что авторы подгоняют оценки под заданный ответ. Также данные по смертности в период голода 1932–1933 годов на Нижней Волге в некоторой степени против-

речивы и не всегда базируются на принятых в демографии показателях и коэффициентах, детально не рассмотрен вопрос смертности на уровне городов и районов.

В связи с этим задачей данной работы является оценка региональных особенностей естественного движения населения в 1932–1933 годы на Нижней Волге.

Проблемы с оценками естественного движения населения связаны не только с субъективными подходами и использованием разных методик, но также и с проблемами учета населения в 30-е годы. Это споры между представителями разных группировок внутри ЦУНХУ и между учреждениями и ведомствами на центральном, краевом (областном), республиканском и местном уровнях [10, с. 721–729]. Усугубляется ситуация существованием двух групп отчетов: конъюнктурными (по присланным ежемесячным отчетам загсов и местных УНХУ) и годовыми разработками (пересчет и уточнение конъюнктурных данных на всех уровнях) [10, с. 724, 744–747]. Кроме того, эти данные пересчитывались после административно-территориальных реорганизаций краевого и местного (районы, кантоны и сельские советы) уровней, соответственно в разные годы существуют разные отчетные данные [10, с. 744–747]. Это приводит к тому, что в разных документах одних и тех же ведомств имеются как одинаковые, так и различные цифры рождаемости, смертности, естественного прироста и численности населения, что дает широкий простор для расчетов и оценок на выбор.

Например, за 1933 год в отчетности ЦУНХУ можно найти следующие сводные данные:

1) результаты конъюнктурных отчетов, пересчитанные на общее число загсов, согласно которых в Нижне-Волжском крае родилось 100869 (в Саратовском – 52081, в Сталинградском – 48788), а умерло 265671 (181788 и 83883, соответственно) чел. [32, л. 124–131; 33, л. 32, 34, 37];

2) годовые разработки статистических управлений, согласно которых в Саратовском крае родилось 49078, в Сталинградском – 45192, а умерло 169815 и 81842, соответственно, чел. [15, л. 44, 93 об., 94, 96; 25, л. 7–8, 14, 82, 87];

3) годовые разработки ЦУНХУ, распространенные на численность населения на 01.01.1933 года, по которым в Саратовском крае родилось 51205, в Сталинградском – 47172, а умерло 176536 и 84916, соответственно, чел. [25, л. 14].

Разница составляет несколько тысяч человек. Относительные оценки также могут различаться, поскольку рассчитываются они на численность населения, которая разная не только в разных документах, но может значительно отличаться в одном и том же документе по одному и тому же региону, например, среднегодовая по данным ЦУНХУ, среднегодовая с поправкой на полноту охвата и среднегодовая по данным краевых (областных) УНХУ [25, л. 11].

Вторая проблема – недоучет и охват населения органами учета. У В.В. Кондрашина сопоставление оценки недоучета показывает разночтения. С одной стороны, указывается, что только 82,6–87,0% загсов в 1933 году представляло ежемесячные отчеты, соответственно, 12,6% сельского населения оказалось не охвачено учетом [21, с. 183]. С другой стороны, цифры из итоговых отчетов краевых УНХУ и данных архивов загсов фактически совпадают [12, с. 102],

что подтверждает точность учета. Но в этой же публикации рассматривается недоучет в связи с неполным охватом загсами территории и неспособностью сотрудниками загсов в условиях голода учесть всех умерших [12, с. 107]. По Нижне-Волжскому краю приводятся две цифры недоучета: по среднегодовому превышению «нормы смертности» по сравнению с 1932 г. на 366% – 5308 человек и по динамике смертности исходя из среднегодовой «нормы смертности» 45,9 на 1000 чел. населения – 7303 человека. Вопрос оценки самой «нормы смертности» в статье не обсуждается, но в первом случае, вероятно, имеется в виду общее превышение умерших в 1933 г. по динамике смертности [12, с. 105, табл. 1]. Двойственность и в том, что упоминается охват территории. Связано это с тем, что советские статистики оценивали недоучет несколькими способами. Во-первых, по охвату территории загсами – первичный учет выполнялся на местах в сельских и городских советах, и отсутствие загса на определенной территории и есть неполный охват. Во-вторых, часть загсов не присылало месячные отчеты, что учитывалось в показателе загсо-месяцев. Но поскольку в разные месяцы могли не присылать отчет и одни и те же, и разные загсы, то недоучет рассчитывался и по загсо-месяцам, и по численности населения приславших отчеты загсов.

Мы сопоставили эти показатели по сельскому населению Нижне-Волжского края (табл. 1). Во-первых, хорошо видно как менялась точность учета от конъюнктурных данных (в скобках) до годовых разработок. Судя по всему, 12,6% недоучета В.В. Кондрашина – это конъюнктурные (не уточненные) данные. Во-вторых, сопоставление численности населения показывает, что неполный охват не наблюдается. Разница в численности населения незначительна, а отличия от официальной численности на начало 1933 г. [34, с. 97, 101, 103] связаны с разным учетом центральных и местных УНХУ и тем, что в среднегодовой численности уже учтен отрицательный годовой прирост. Для Нижней Волги фактический недоучет в связи с отсутствием отчетов загсов составляет 5% от населения края. По городскому населению недоучет 42% отмечен только в г. Верхний Баскунчак (0,4% всего городского населения Нижней Волги).

По нашим оценкам в сельской местности Нижне-Волжского края родилось и умерло с поправкой на недоучет 76223 и 184570 человек соответственно. В

окончательных отчетах ЦУНХУ с поправкой на недоучет рождаемость и смертность исчислена как 76563 и 185150 соответственно [25, л. 14], что согласуется с нашими расчетами. На относительные показатели эти изменения не повлияли, поскольку они рассчитывались на отчетную численность населения, но естественный прирост, фактически, меньше на 5688 человек. Однако в окончательных динамических рядах за 1933 год указаны рождаемость и смертность по загсам, представившим сведения, без поправки на недоучет [14, л. 21].

Проблемой является учет незарегистрированного населения, поскольку было выявлено 15206 (14334) умерших, не являвшихся постоянными жителями места смерти (родилось только 171 человек) [15, л. 93 об., 94, 96]. Подавляющая их часть была в крупных городах – Саратове, Сталинграде и Астрахани, а также много в Камышине и Аткарске. В Сталинграде 3919 и в Астрахани 2256 умерших не имело адреса проживания [15, л. 95, примечание внизу]. Были ли все эти смерти где-либо учтены – не установлено.

Нужно отметить, что между Госпланом и ЦУНХУ шла дискуссия, занижаются или завышаются темпы прироста населения [10, с. 724–726]. Вышеизложенные примеры показывают для Нижней Волги завышение прироста. Завышение связано и с полным отсутствием за 1933 г. отчетных данных ЦУНХУ по Калмыцкой автономной области.

Рождаемость на Нижней Волге (рис. 1) оценивалась по данным динамического ряда в период 1927–1937 годов [14, л. 15–25] в сравнении со степными зернопроизводящими областями УССР – Одесской и Днепропетровской [14, л. 30–31] и за 1932–1933 гг. [25, л. 82, 87; 33, л. 32, 34].

Динамика рождаемости на Нижней Волге до 1932 года (за исключением роста в 1928–1929 гг.) в целом соответствовала рождаемости в зернопроизводящих областях УССР (рис. 1: А). Темпы ее падения также сопоставимы, как и «ям» 1933 года. Но в украинских областях рождаемость гораздо быстрее восстановилась, выйдя уже в 1934 году на уровень чуть ниже 1932 года, а на Нижней Волге она и в 1934 году оставалась на уровне 1933 года и только в 1935 году скачкообразно вернулась на уровень несколько выше 1932 года. Это указывает на то, что последствия от голода в виде демографических потерь от падения рождаемости на Нижней Волге были гораздо выше.

Таблица 1 – Недоучет естественного движения сельского населения Нижне-Волжского края (1933 г.)

Регион	Число сельсоветов (загсов)	Загсо-месяцев		Среднегодовое население, тыс. чел.		Недоучет, %	
		всего	отчетное	обслуживаемое	отчетное	загсы	население
Саратовский край (без АССР Немцев Поволжья)	1296 (1018)	12216	11192 (10002)	1310,50 (1310,58)	1223,30 (1130,78)	8,4	6,7
АССР Немцев Поволжья	278 (282)	3360 (3371)	3360 (2585)	396,24 (396,24)	396,24 (330,24)	–	–
Сталинградский край	1130 (1017)	12228 (12204)	11200 (9818)	1335,60 (1327,37)	1262,00 (1119,76)	8,4	5,5

Примечание. Составлено по [15, л. 93 об., 94, 96; 32, л. 125, 127, 130–131; 34, с. 97, 101, 103], в скобках приведены конъюнктурные (неуточненные) данные.

В период голода 1932–1933 гг. катастрофическое падение рождаемости наблюдалось в сельской местности – почти в 3,5 раз (рис. 1: Б). Но и в 1932, и, несмотря на голод, в 1933 году четко определяются сравнительно высокие сезонные пики июля – августа, связанные с зачатиями конца предыдущего года. Такая сезонность, характерная для сельского населения при хозяйстве неиндустриального типа, компенсировала смертность от голода. Для городского населения также отмечаются подобные небольшие пики, что указывает на его уклад жизни, но падение рождаемости в городах за два года было менее катастрофичным и более плавным.

Построенная модель (линия тренда) динамики рождаемости без учета 1932–1934 годов (рис. 1: А) показывает верхний уровень «ямь» рождаемости. Сопоставление фактических данных и модели дает снижение рождаемости в 1932 году на 27 тыс., в 1933 г. – 62 тыс. и в 1934 г. – 58 тыс. человек, что в сумме составляет 147 тыс. человек (без учета в 1933 году Калмыцкой АО).

Смертность на Нижней Волге (рис. 2) также оценивалась по данным динамического ряда 1927–1937 годов [14, л. 15–25] в сравнении с Одесской и Днепропетровской областями УССР [14, л. 30–31] и за 1932–1933 гг. [25, л. 82, 87; 33, л. 32, 34]. Кривые динамики смертности, как на Нижней Волге, так и в зернопроизводящих областях УССР абсолютно идентичны, а величины смертности до 1937 года без периода 1932–1933 гг. меняются незначительно, характеризуются небольшими подъемами и спадами (рис. 2: А). Также идентичны пики смертности, начавшиеся ростом числа умерших в 1932 году, и компенсационное падение смертности 1934–1935 годов (часть ожидаемой смертности была в 1933 году).

Сопоставление смертности (рис. 2: А), колеблющейся в пределах 18 на 1000 чел. населения, с падением рождаемости (рис. 1: А) показывает особенности демографического перехода в Нижне-Волжском крае – падение естественного прироста населения вызвано в первую очередь падением рождаемости. С.А. Нефедов падение рождаемости связывает с коллективизацией, вызвавшей социальную нестабильность и падение уровня жизни [7, с. 58]. Но отсутствие сопоставимого роста смертности, сопровождающей такое падение, не подтверждает эту гипотезу. Но далее С.А. Нефедовым приводятся иные причины (резкий рост миграций из деревни, эмансипацию женщин, рост грамотности, распад православных семейных и социальных традиций в результате антирелигиозной пропаганды и легализация аборт) [7, с. 58–59]. Фактически речь идет не об изменении общественно-правовых форм сельхозпроизводства, а о совокупности социальных факторов, зачастую с коллективизацией не связанных.

В период голода 1932–1933 гг. катастрофический рост смертности в сельской местности Нижне-Волжского края составил более чем в 6 раз (рис. 2: Б). При этом в 1932 году и в городах, и в селах рост небольшой с небольшим пиком (в 1,5 раза по сравнению с январем) в июле и компенсационным падением в конце года. Резкий рост смертности и в городах, и в селах края наблюдается с марта 1933 года (в феврале она не превышала июльский пик 1932 года). Городская смертность, поднявшись в 2,5 раза, практически не менялась, дав только небольшой прирост мая –

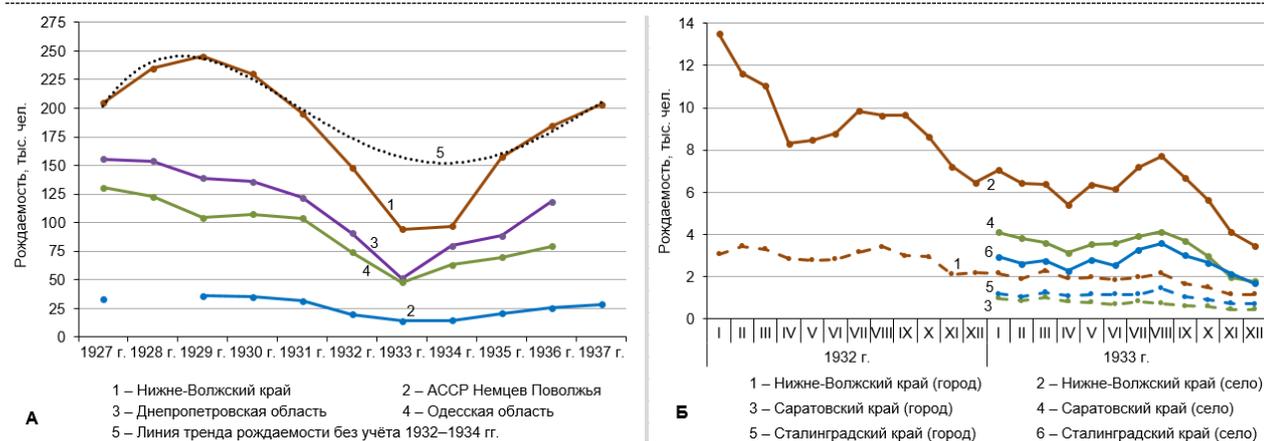
июля и плавно снизилась до уровня начала 1932 года в ноябре. В сельской местности «взрывной» катастрофический рост продолжился до пика июня, после чего начался такой же резкий спад до уровня начала 1932 года в ноябре.

Сопоставление хода смертности 1933 года в городах и селах Саратовского и Сталинградского края показывает принципиально разные динамики (рис. 2: Б). Нижневолжская динамика смертности определяется ситуацией в Саратовском крае. В городах и селах Сталинградского края динамика смертности резко отличалась – рост плавный и намного ниже, пик выражен гораздо слабее и смещен на июль, в городах в марте ситуация стабилизировалась с небольшим июльским пиком. Такая динамика очень похожа на идущую с севера на юг эпидемию в условиях, когда на юге успели принять необходимые меры по ликвидации ее катастрофических последствий, в отличие от северных регионов, где она оказалась внезапной. Это показывает, что ситуация в 1933 году определялась спецификой местных условий, в том числе и действиями местного руководства, а не решениями центральных органов власти. Подтвердить эпидемиологический характер может анализ диагнозов по данным первичного учета либо помесечный анализ медицинской статистики края, что требует дальнейших исследований.

Построенная модель (линия тренда) динамики смертности без учета периода 1932–1934 годов (рис. 2: А), показывает уровень ее пика. Сопоставление фактических данных и модели показало рост смертности в 1932 году на 15 тыс., а в 1933 г. – 160 тыс. человек, что в сумме составляет 175 тыс. человек максимальных прямых потерь от голода (без учета в 1933 году Калмыцкой АО). В 1934 г. смертность была ниже предкризисного уровня и прямые потери не определяются.

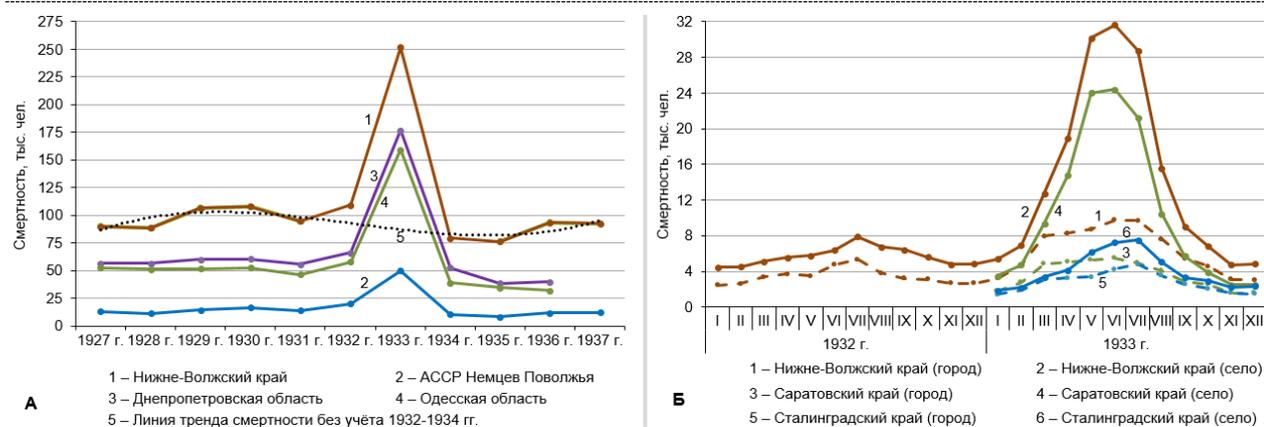
При оценке региональных особенностей рождаемости и смертности были взяты районные отчетные данные на 1000 чел. населения [15, л. 93–96], которые вносились в базу данных и привязывались к картографической основе (административно-территориальное устройство на отчетный год) в пакете ArcGIS с получением в дальнейшем картограмм (рис. 3).

Порайонный анализ показывает, что регионами с самой высокой рождаемостью (рис. 3: А) являются низовья р. Волги и ее устье и Левобережье. В 3 районах и 3 кантонах рождаемость превышала средний уровень 1930 г. (39,9 на 1000 чел. населения) и еще в 12 – средний уровень 1931 года (33,3) – 21% районов по рождаемости характеризовался благополучной ситуацией. Еще в 17 районах и кантонах рождаемость превышала средний уровень 1932 года. Для почти половины кантонов АССР НП рождаемость была выше среднего уровня 1931 и 1932 годов. Таким образом, 41% районов не характеризовался кризисом рождаемости сельского населения. Для 17 районов и кантонов (20%) рождаемость была выше средней 1933 года и только для 9 районов и в Золотовском кантоне (12%) отмечается катастрофическое падение рождаемости (ниже 16,5). Приуроченность регионов с самой низкой рождаемостью к р. Волге или какой-либо транспортной сети не идентифицируется, районы самой низкой рождаемости локально (очагами) расположены в центре Правобережья Волги в Саратовском крае и на крайнем западе Сталинградского края.

Рисунок 1 – Динамика рождаемости:

А – в Нижне-Волжском крае и АССР Немцев Поволжья в сравнении со степными зернопроизводящими областями УССР за 1927–1937 гг.; *Б* – в нижеволжских регионах в 1932–1933 гг.

Рисунок 2 – Динамика смертности:

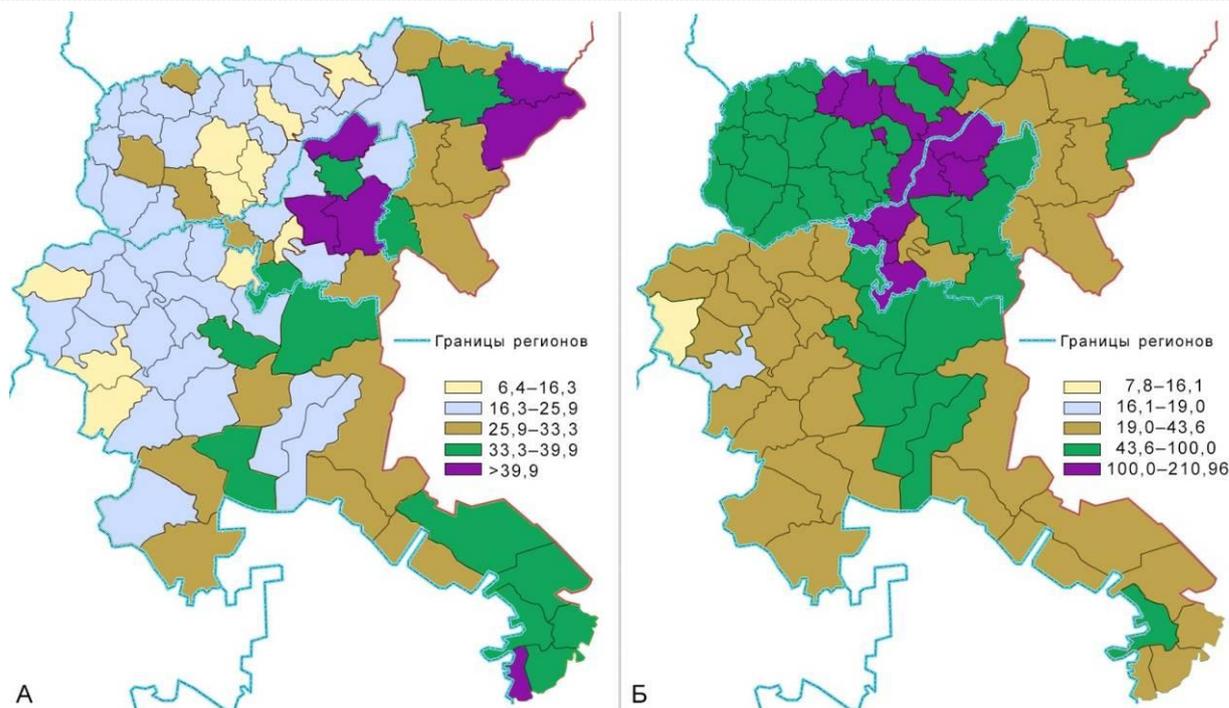
А – в Нижне-Волжском крае и АССР Немцев Поволжья в сравнении со степными зернопроизводящими областями УССР за 1927–1937 гг.; *Б* – в нижеволжских регионах в 1932–1933 гг.

Анализ смертности показывает ее зональность (рис. 3: *Б*). При этом гипотеза В.В. Кондрашина о приуроченности районов с самой высокой смертностью к р. Волга либо к транспортным магистралям не подтверждается, поскольку районы низовой Волги (современная Астраханская область) и почти все правобережье Сталинградской области с развитой транспортной сетью характеризуются сравнительно низкой для 1933 года смертностью. Визуально приуроченность к Волге просматривается, но связана она с районами, где на Волге и вблизи нее были города с высокими показателями смертности (табл. 2). Подтверждает это и то, что в низовьях Волги самая высокая смертность отмечена в Наримановском районе, граничащем с Астраханью. В связи с этим необходимо указать на гипотезу С. Уиткрофта, объяснявшего высокую смертность в селах Киевской области УССР тем, что централизованные хлебозаготовки привели к сокращению поставок продовольствия в местные города, после чего местные власти для обеспечения их продовольствием усилили децентрализованные заготовки в прилегающих к городам сельских районах [10, с. 758]. Возможно, это было и в Нижне-Волжском крае.

Для Нижне-Волжского края характерна географическая приуроченность смертности, связанная с рельефом (возвышенности). Районы с высокой смерт-

ностью расположены в южной (саратовской) части Приволжской возвышенности и ее переходом в Окско-Донскую равнину и в пограничье Среднего Сырты на северо-востоке Саратовской области (рис. 3: *Б*). Гораздо меньше (смертность ниже средней за 1933 год) пострадали районы, расположенные в низинах и на равнинной части правобережья и левобережья Нижней Волги (38 районов или 44%). В связи с такой географической приуроченностью необходима сравнительная оценка природных факторов, в частности погодных условий.

Катастрофической смертностью (выше 100 на 1000 чел. населения) характеризуются 7 кантонов АССР НП – Бальцеровский (211 на 1000 чел. населения), Ягодно-Полянский, Франковский, Каменский, Мариентальский, Маркшадтский и Покровский. АССР Немцев Поволжья оказалась эпицентром голода в СССР, однако даже в ее границах смертность неоднородна. В Старо-Полтавском и в Золотовском кантонах она была 28,9 и 36,8 соответственно, что ниже средней 1933 года. Это в первую очередь указывает на местные условия, повлиявшие на смертность населения. Также нет этнической компоненты голода («этноцида» и тем более «геноцида»), поскольку такая же катастрофическая смертность выше 100 была в Петровском, Мало-Сердобинском, Ново-Бурасском, Балтайском, Воскресенском и Саратовском районах.

Рисунок 3 – Рождаемость (А) и смертность (Б) на 1000 чел. сельского населения в Нижне-Волжском крае в 1933 году (без Калмыцкой АО)

В двух районах Нижней Волги – Кумльженском и Нехаевском – смертность в 1933 году была даже ниже среднего уровня 1932 года, а в Икрянинском, Володарском, Нехаевском, Камызякском, Ершовском, Сталинградском, Харабалинском, Озинском и Красноярском (современной Астраханской области) районах и в городах Ершов и Новый Эльтон – положительный естественный прирост населения (рождаемость превышала смертность). Это также указывает на то, что смертность в период 1933 года в Нижне-Волжском крае определялась исключительно спецификой местных условий.

Таким образом, вопрос естественного движения населения в период голода 1932–1933 года на Нижней Волге рассмотрен в большом количестве научных публикаций, но эти показатели и оценки потерь в различных публикациях и даже у одних и тех же авторов отличаются, а методика расчетов не всегда корректная.

По нашим оценкам, показатели естественного движения населения на Нижней Волге имели четко определяемые региональные особенности (табл. 3). В пик голода 1933 года они составили 76223 родившихся и 184570 умерших человек. При этом они еще выше, поскольку нет данных по Калмыкии и установлено порядка 15,2 тыс. смертей, для которых не удалось установить, были ли они учтены.

Резкий рост смертности отмечен с марта 1933 года, как в городах, так и в селах края. В селах катастрофический ее рост продолжился до пика июня с резким спадом в ноябре. Городская смертность практически не менялась с небольшим приростом мая – июля и плавно снизилась в ноябре. Для рождаемости в сельской местности четко определяется сезонность, характерная для сельского населения при хозяйстве неиндустриального типа, с высокими пиками июля – августа, которые компенсировали пики смертности. В городах и селах Сталинградского края динамика смертности отличалась плавным и низким ростом, низким пиком, смещенным на июль. Динамика

смертности Нижней Волги похожа на идущую с севера на юг эпидемию, когда на юге успели принять необходимые меры по ликвидации, в отличие от северных регионов, где она оказалась внезапной. Это требует дополнительных исследований.

В период голода 1932–1933 гг. в сельской местности Нижне-Волжского края отмечено падение рождаемости в 3,5 раз и рост смертности более чем в 6 раз. В Золотовском кантоне и Аткарском, Ново-Бурасском, Красноярском (современной Волгоградской обл.), Кумльженском, Лысогорском, Черкасском, Урюпинском, Татищевском и Серафимовичском районах отмечалось катастрофическое падение рождаемости. Катастрофическая смертность была в Бальцеровском, Ягодно-Полянском, Франкском, Каменском, Мариентальском, Маркштадтском и Покровском кантонах АССР Немцев Поволжья и Петровском, Мало-Сердобинском, Ново-Бурасском, Балтайском, Воскресенском и Саратовском районах Саратовского края. Для 41% районов края не отмечен кризис рождаемости и в Кумльженском и Нехаевском районах не было высокой смертности. В Икрянинском, Володарском, Нехаевском, Камызякском, Ершовском, Сталинградском, Харабалинском, Озинском и Красноярском (современной Астраханской области) районах и в городах Ершов и Новый Эльтон отмечен положительный естественный прирост населения (рождаемость превышала смертность).

Смертность в 1933 году на Нижней Волге имеет четкую географическую (высотную) приуроченность. Регионы с высокой смертностью расположены в южной части Приволжской возвышенности, примыкающей к ней в восточном пограничье Окско-Донской равнины и в пограничье Среднего Сырта Саратовской области. Гораздо меньше смертность была в районах (44%), расположенные в низинах и равнинной части правобережья и левобережья Нижней Волги. Это требует дополнительных исследований, в частности порайонной сравнительной оценки природных факторов 1932–1933 годов.

Таблица 2 – Естественное движение городского населения Нижне-Волжского края (1933 г.)

Город	Родилось, чел.	Умерло, чел.	На 1000 чел. населения		
			родилось	умерло	естественный прирост
Саратов	3344	23494	10,8	75,7	-65,0
Вольск	891	2758	15,5	48,0	-32,5
Аткарск	219	1172	12,0	64,4	-52,4
Балаково	340	997	14,2	41,5	-27,4
Балашов	441	1405	11,3	36,0	-24,7
Ершов	176	137	27,1	21,1	6,0
Кольшлей	37	59	37,0	59,0	-22,0
Новоузенск	220	419	18,3	34,9	-16,6
Петровск	255	1328	15,5	80,5	-65,0
Пугачев	369	649	18,5	32,5	-14,0
Ртищево	359	915	22,0	56,1	-34,1
Сердобск	212	973	16,3	74,8	-58,5
Хвалынский	132	573	12,6	54,6	-42,0
Энгельс	1108	5360	19,0	92,1	-73,1
Маркштадт	370	742	23,6	47,3	-23,7
Бальцер	234	1598	18,1	123,9	-105,7
Сталинград	7484	17406	19,8	46,1	-26,3
Астрахань	3476	11491	15,3	50,4	-35,2
Новый Эльтон	60	57	46,2	43,8	2,3
Нижний Баскунчак	55	72	9,8	12,9	-3,0
Верхний Баскунчак	43	65	22,6	34,2	-11,6
Дубовка	206	526	21,2	54,2	-33,0
Камышин	333	1415	14,5	61,5	-47,0
Котельниково	192	256	20,0	26,7	-6,7
Красный Яр	193	203	20,1	21,1	-1,0
Михайлов	223	639	17,0	48,8	-31,8
Нижне-Чирская	131	227	18,5	32,0	-13,5
Серафимович	51	130	14,2	36,1	-21,9
Урюпино	228	504	12,4	27,4	-15,0
Фролово	206	399	16,6	32,2	-15,6

Примечание. Составлено по [15, л. 93–96].

Таблица 3 – Естественное движение населения Нижне-Волжского края в 1933 г. (расчеты авторов)

Регион		Рождаемость	Смертность	Прирост	На 1000 чел. населения		
					рождаемость	смертность	прирост
Саратовский край (без АССР Немцев Поволжья)	сельская	29616	89958	-60342	22,6	68,6	-46,0
	городская	6995	34879	-27884	12,8	64,0	-51,2
АССР Немцев Поволжья	сельская	12238	42391	-30153	30,9	107,0	-76,1
	городская	1712	7700	-5988	19,7	88,7	-69,0
Сталинградский край	сельская	34195	51278	-17082	25,6	38,4	-12,8
	городская	12978	33640	-20663	17,9	46,3	-28,5

Не прослеживается связь смертности с транспортными магистралями Нижне-Волжского края, а приуроченность к р. Волге связана с районами, где на ней и вблизи нее были города с высокой смертностью.

Распределение регионов с высокой смертностью определяется в первую очередь спецификой местных условий и, возможно, действиями местного руководства, в частности, усилением децентрализованных заготовок в прилегающих к городам сельских районах для обеспечения продовольствием городов, что требует дополнительного изучения.

Максимальные прямые потери от голода 1932–1933 годов в Нижне-Волжском крае без учета в 1933 году Калмыцкой АО составляют 175 тыс. человек, а потери от падения рождаемости 1932–1934 годов – 147 тыс. человек.

Благодарности

Авторы благодарят главного библиотекаря Библиотечно-информационного центра Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова Дорошенко Екатерину Александровну и библиотекаря Васильеву Людмилу Викторовну за помощь в получении редких научных изданий.

Список литературы:

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Д. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. М.: Наука, 1993. 139 с.
2. Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26.
3. Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М.: Российский гос. ун-т, 1995. С. 333–363.

4. Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Кавказ, Северный Кавказ, Поволжье, Центральная-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собрание, 2009. 288 с.
5. Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 14. С. 92–101.
6. Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 гг.: Людские потери // Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934. М.: МФД, 2013. С. 651–662.
7. Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283 с.
8. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: Росспэн, 2011. 543 с.
9. Davies R.W., Wheatcroft S.G. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933 [Internet] // <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger>.
10. Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934. М.: МФД, 2013. С. 719–771.
11. Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskyi O., Kovbasiuk A., Kulyk N. Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia // Nationalities Papers. 2020. P. 1–21. DOI: 10.1017/nps.2019.55.
12. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале // Центр и периферия. 2009. № 3. С. 102–109.
13. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 350 с.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256.
15. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18.
16. Чолахян В.А. Особенности демографического перехода в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 223–230. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-223-230.
17. Бадмаева Е.Н. Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1933 гг. // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 47–59.
18. Бадмаева Е.Н. События 1932–1933 гг. в судьбах калмыцкого крестьянства // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 105–108.
19. Герман А.А. Последствия коллективизации в селах АССР немцев Поволжья (1930–1933) // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: матлы 15-й междунар. науч.-практ. конф. Маркс, 5–9 августа 2015 г. М.: МСНК-пресс, 2016. С. 215–229.
20. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 176–181.
21. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
22. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 6–20.
23. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов в Российской Федерации // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М.: РОССПЭН, 2011. С. 257–282.
24. Кондрашин В.В. Региональные и национальные особенности голода в СССР в 1932–1933 гг. // Труды Института российской истории РАН. 2019. № 15. С. 196–219.
25. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16.
26. Кондрашин В.В. Голод в Поволжье // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини та наслідки: мат-ли міжнар. наук. конф. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Київ: Інститут Історії НАН України, 1995. С. 123–132.
27. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. 1996. Вып. 3. С. 92–99.
28. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 335.
29. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов в Поволжье // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): мат-ли міжнар. наук. конф. Київ, 20–21 листопада 2013 р. Київ, 2013. С. 249–255.
30. Wheatcroft S.G. Mapping crude death rates in Ukraine in 1933 and explaining the raion patterns // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): мат-ли міжнар. наук. конф. Київ, 20–21 листопада 2013 р. Київ, 2013. С. 219–226.
31. Wheatcroft S.G., Garnaut A., O'Grada C., Bishop I. Mapping and evaluating the major famines of modern times // Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences. 2013. P. 11–12.
32. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 28.
33. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41.
34. Административно-территориальное деление Союза ССР (на 15 июля 1934 г.). М.: Власть советов. 1934. 359 с.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Назаренко Назар Николаевич, доктор биологических наук, профессор кафедры химии, экологии и методики обучения химии; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск, Российская Федерация). E-mail: nnazarenko@hotmail.com.</p> <p>Башкин Анатолий Викторович, координатор; Проект «Исторические материалы» (г. Москва, Российская Федерация). E-mail: lost_empire@mail.ru.</p>	<p>Nazarenko Nazar Nikolayevich, doctor of biological sciences, professor of Chemistry, Ecology and Chemistry Methodology Department; South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: nnazarenko@hotmail.com.</p> <p>Bashkin Anatoliy Victorovich, coordinator; Project «Historical Materials» (Moscow, Russian Federation). E-mail: lost_empire@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Нижнего Поволжья в период голода 1932–1933 годов // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. С. 189–199. DOI: 10.17816/snv2021102210.